

Только что закончилось шоу с участием Ци Шэцзяна. Вокруг его персоны было много споров, но и фанатов, привлеченных внешностью, прибавилось немало.

К тому же любопытство публики по поводу его родства с Ся Ивэй было на пике. Как только репортаж вышел в свет, он мгновенно привлек всеобщее внимание.

СМИ наперебой перепечатывали подтверждение того, что он и есть Джесси, но его фраза «хочу выступать с сяншэном» вызвала отдельную волну обсуждений.

В шоу Ци Шэцзян, даже если бы у него не было талантов, мог бы избежать критики, будь он хоть немного остроумным. Но при такой внешности его серьезность многих раздражала.

Комментарии в сети:

[М-да... Ци Шэцзян всё так же красив, но на последней фразе я натурально заржал.]

[Это был экспромт? Видно же, что журналист в ступоре. Наверное, подумал: «Почему образ внезапно сменился?»]

[Анекдот дня: «Остроумный и красноречивый Ци Шэцзян».]

[Офигеть, это самая смешная шутка Ци Шэцзяна с момента дебюта. В сто раз смешнее, чем всё, что он выдавал в программе...]

[Малыш такой милашка, уже научился самоиронии и шуткам, как весело, ха-ха-ха-ха!]

...

— Вот видишь! И пресса, и пользователи сети думают, что ты шутишь!

Это происходило по дороге на концерт. Ли Цзин приехал в аэропорт встретить Ци Шэцзяна. Он и Ся Ивэй прибыли в город днем ранее, а парень прилетел только сейчас.

До самого последнего момента Ли Цзин не верил, что Ци Шэцзян действительно хочет заниматься сяншэном...

Он даже думал, что это своего рода месть: «Раз вы не даёте мне быть собой, я буду делать всё вам назло». Он до конца не понимал, почему Ци Шэцзян согласился прийти на концерт, и почти ожидал, что тот его разыграл и просто не прилетит.

Ли Цзин надеялся, что все успокоится, но при встрече, когда он попытался завести разговор, Ци Шэцзян проявил небывалую серьезность, чем не шутя напугал менеджера.

Проработав в индустрии десятки лет, Ли Цзин впервые почувствовал, что у него не хватает слов. Эта внезапно возникшая нелепая мечта Ци Шэцзяна совершенно не стыковалась с тем будущим, которое для него готовили!

— Дядя Цзин, я всегда интересовался сяншэном, просто вы об этом не знали, — Ци Шэцзян был абсолютно спокоен.

Он не понимал, насколько шокирующим было его решение для Ли Цзина, а профессиональная выдержка артиста помогала держать лицо. К тому же интернет был для него еще большей загадкой, чем телевидение, он не видел комментариев и слышал лишь то, что зачитал менеджер.

Это объяснение звучало более-менее правдоподобно. Родители Ци Шэцзяна — один бизнесмен, другая актриса — вечно пропадали на работе. Совершенно естественно, что у ребенка могли быть увлечения, о которых никто не догадывался.

Ли Цзин сокрушенно вздохнул:

— Посмотри, как веселятся пользователи в сети. Это лучший показатель того, насколько твоя идея неосуществима. Кто поверит? Ну ты сам-то посмотри на себя — разве ты похож на комика сяншэн?

Ци Шэцзян на мгновение замолчал. Он ведь не был слепым.

Жанр сяншэн не требует, чтобы артист обязательно был некрасивым или нелепым. Есть немало статных и привлекательных исполнителей. Однако внешность Ци Шэцзяна была настолько яркой, что она неизбежно отвлекала бы зрителя от самой сути выступления.

Но это искусство было не только основой его прошлой жизни, но и единственным утешением в этом новом, незнакомом мире. Он просто не мог от него отказаться.

Помолчав немного, он все же добавил: «Все в руках человека».

Он сполна познал горести и лишения и не верил, что смазливое лицо действительно может помешать ему вернуться к любимому делу.

...

Ли Цзин привел Ци Шэцзяна в гримерку за кулисами. Ся Ивэй как раз накладывала грим. В свои сорок с небольшим она оставалась ослепительно красивой и выглядела скорее как старшая сестра Ци Шэцзяна. По сравнению с сыном, черты её лица казались еще более «западными».

Увидев Ци Шэцзяна, Ся Ивэй горячо обняла его.

Юноше было немного непривычно такое проявление чувств, но, возможно, из-за памяти тела, при виде Ся Ивэй он ощутил необъяснимую внутреннюю теплоту и близость.

Ли Цзин хотел было сказать ей, что Ци Шэцзян, кажется, всерьез вознамерился выступить с сяншэном, но вовремя спохватился: до начала шоу осталось совсем немного. Лучше подождать до конца концерта, иначе Ся Ивэй разволнуется.

Сама Ся Ивэй была очень рада приходу сына. Для неё это стало сигналом к потеплению в их отношениях.

Она снова села в кресло, чтобы закончить макияж, и, продолжая болтать с сыном, с легкой иронией заметила:

— Я видела новости. Значит, теперь ты готов признать, что ты мой сын?

Её саму больше волновал тот факт, что он наконец подтвердил свою личность как «Джесси».

Ци Шэцзян подсознательно ответил:

— А почему бы и нет?

В его эпоху, в его кругу, упоминание со сцены своих знаменитых родителей или родственников было обычным делом — семья должна поддерживать друг друга. К тому же, как и говорил Ли Цзин, в конечном счете успех зависит только от таланта.

В глазах Ся Ивэй вспыхнула радость:

— Милый, ты передумал?! Тогда... если будут телепередачи, ты согласен пойти на них вместе с мамой?

Спросив об этом, она на мгновение испугалась, не слишком ли торопит события.

Ци Шэцзян ответил:

— Можно? Благодарю вас.

Он едва удержался, чтобы не сложить руки в традиционном жесте почтения.

«О боже, этот упрямец согласился!» — Ся Ивэй широко распахнула светло-карие глаза. Если бы гример в ужасе её не остановил, она бы точно расплакалась от счастья.

...

Концерт начался. Ся Ивэй уже выступала на сцене.

Ци Шэцзян сидел вместе с Ли Цзином в VIP-секторе. Пока лишь немногие зрители вокруг узнали его.

На середине программы Ся Ивэй внезапно произнесла:

— На самом деле, сегодня мой сын Джесси тоже здесь, в зале.

В первые три секунды после этой фразы фанаты взорвались восторженными криками.

Она улыбнулась:

— Спасибо. Думаю, многие уже знают, что у Джесси есть и другое имя — Ци Шэцзян.

В этот момент режиссер трансляции вывел изображение Ци Шэцзяна на огромные экраны. Юноша невольно поднял взгляд на монитор. Когда он закинул голову, его густые ресницы опустились, создавая впечатление полузакрытых глаз — этот небрежный, сонный взгляд мгновенно покорила аудиторию.

Фанаты завизжали. Половина — потому что это сын их богини, вторая половина — потому что лицо Ци Шэцзяна просто заставляло кричать от восторга. На нем была обычная повседневная одежда, никакого грима, но черты его лица сами по себе были верхом совершенства.

Ся Ивэй сияла:

— Следующая песня — старая композиция. Она вышла как раз в год рождения Джесси. Поэтому я хочу пригласить его на сцену, чтобы выступить вместе. Надеюсь, вы поддержите его аплодисментами так же, как поддерживаете меня.

Это была чистая импровизация.

Разговор в гримерке так воодушевил Ся Ивэй, что она буквально летала на крыльях счастья: сын наконец перестал отвергать её помощь! Она не удержалась и захотела немедленно представить его миру.

Ся Ивэй с ожиданием посмотрела на сына.

Ци Шэцзян: «...»

Дело было не в том, что он передумал или снова не хотел принимать помощь. Просто... он понятия не имел, как петь песни Ся Ивэй!

Однако зал уже взорвался аплодисментами, сотрудники несли второй микрофон, а Ли Цзин подтолкнул его за плечо.

Никому и в голову не пришло: как Ци Шэцзян может не знать хитов собственной матери?

За свою карьеру Ци Шэцзян сталкивался с множеством казусов на сцене, но в такой ситуации оказался впервые. Он заставил себя успокоиться и, пока шел к сцене, лихорадочно соображал, как выйти из неловкого положения.

Его взгляд скользнул по оркестру. Сегодня на сцене были не только западные инструменты, но и традиционные: пипа, саньсянь (трехструнная лютня), эрху.

Ци Шэцзян умел играть на саньсяне. Ся Ивэй сказала «выступить вместе», а не обязательно «петь дуэтом». Он подумал, не исполнить ли ему партию на лютне в качестве ответа.

Для этого нужно было перехватить инициативу у матери и самому взять контроль над ритмом шоу.

Это была его стихия — работа с публикой. Еще не ступив на саму сцену, он поднес микрофон к губам, собираясь заговорить, как вдруг...

На телесуфлере появилось название следующей песни и первые строки: «Зачем "Западный флигель"?» (Хэби Сисян).

В то же время Ся Ивэй спросила:

— Есть ли в зале молодые люди, которые знают эту песню? Это старая вещь на основе китайской классики.

«Зачем "Западный флигель"?»

В это мгновение Ци Шэцзян резко передумал!

По названию и тексту он сразу узнал основу — это была адаптация классического китайского романа. Эту историю также называли «Сон о цветах сливы». Изначально это был жанр танцы (повествование под музыку), позже она исполнялась во многих видах традиционной оперы. И вот теперь её превратили в поп-хит.

Ци Шэцзян не знал поп-версию Ся Ивэй, но про артистов сяншэн говорят: «Их живот — это лавка старьевщика». В нем должно быть всё: они обязаны уметь и знать всё понемногу.

Проще говоря, версии «Западного флигеля» в жанрах танцы, гуцюй (баллады под барабан), Пекинской оперы, Бяньской оперы... все эти варианты он знал и умел петь!

...

Пока он размышлял, ноги уже привели его к матери. Ся Ивэй взяла его за руку и улыбнулась.

Ци Шэцзян улыбнулся в ответ. Глядя на него, никто бы не догадался, что он совершенно не знает ту песню, которую сейчас предстоит исполнять.

Что касается огромной толпы зрителей внизу — ему было всё равно. Ни капли волнения. Будь то пара человек или несколько тысяч — он видел в своей жизни всякое.

Как только зазвучало вступление, Ци Шэцзян приободрился: в аранжировке слышались отголоски гуцью (сказов под барабан). Это придало ему уверенности.

Гуцью — это общее название для народных музыкально-повествовательных жанров, таких как Цзинъюнь Дагу (баллады в пекинском стиле), Мэйхуа Дагу (баллады «Цветок сливы») и многих других.

Ся Ивэй, много лет проработавшая в шоу-бизнесе, вела себя на сцене непринужденно:

— Подойди ближе, не прячься. Теперь все и так знают, что мы мать и сын.

Мастер сяншэна не может позволить шутке «упасть на землю».

Реакция Ци Шэцзяна была мгновенной. Почти не задумываясь, он выдал реплику:

— Боюсь подходить слишком близко, вдруг мы оба разобьемся!

Зрителям потребовалось пару секунд, чтобы осознать шутку, после чего зал грохнул от смеха. Ци Шэцзян явно намекнул на прозвище «пара ваз», которое им дала пресса. А если две вазы поставить слишком близко — они могут столкнуться и разбиться.

Ся Ивэй не ожидала, что сын подхватит подачу и так удачно пошутит, но времени на раздумья не было — пора начинать петь:

«Сколько жизней я возвращала в себе дух цветов сливы, чтобы отплатить чистому ветру, выпив тысячи чаш... Легко смотрю на жизнь и смерть, но жажду вина, небо, земля, реки и горы — лишь временный приют...»

Стоило ей начать, как зазвучал типичный поп-стиль. Лишь аккомпанемент и текст содержали традиционные элементы, что было вполне естественно для эстрады.

Фанатам в зале было плевать, что там говорят про Ци Шэцзяна. Они любили Ся Ивэй. Даже если бы он пел плохо — ничего страшного, ведь ценность этого момента была в самом факте их дуэта.

Да и сама Ся Ивэй, хоть и была «вазой» в молодости, за годы практики так и не стала вокалисткой экстра-класса. Поэтому искушенная публика не ждала от этого выступления какого-то божественного уровня исполнения.

Но одно дело — не ждать чуда, и совсем другое — когда артист вообще не поет.

Со стороны это выглядело как полноценный дуэт: Ци Шэцзян и Ся Ивэй держались за руки, мать постоянно смотрела на сына, но тот, казалось, и не собирался открывать рот.

Поскольку участие гостя не было заявлено заранее, зрители не понимали: может, так и задумано? Но если это план, то Ся Ивэй уже допела до припева, а Ци Шэцзян всё молчит!

«Разве это не сон о небе и земле любви, что длится вечно... зачем же в "Западном флигеле" тревожить душу... Танцы вновь рисуют сон о цветах сливы, мелодия затихает в воспоминаниях о встрече на расписной лодке...»

Ся Ивэй закончила припев, и в её глазах тоже промелькнуло удивление. Несколько раз она хотела замолчать, давая ему вступить, но Ци Шэцзян даже не поднес микрофон, и ей приходилось продолжать в одиночку.

Наступил проигрыш. Слышны были только саньсянь, эрху и другие инструменты.

И вот тогда Ци Шэцзян запел.

Он впервые слышал эту песню и всё это время вслушивался в её стиль, в ритмический рисунок аккомпанемента, перебирая в голове подходящие мотивы и стихи, пока наконец не выбрал идеальный вариант.

Зрители увидели на экранах, как Ци Шэцзян спокойно поднял микрофон и запел:

«Тени слив на бумажном окне, месяц едва взошел. На ложе — обрывки старых свитков, горит одинокий фонарь... В этот миг кажется, будто тело стало бабочкой, порхающей легко, словно пена в океане сансары...»

В одно мгновение его голос буквально накрыл собой инструменты.

Чистый, звонкий звук, мелодия, пропитанная старинным очарованием. Эти древние интонации идеально вплелись в звуки лютни и эрху. Манера исполнения, дышащая атмосферой старых чайных и театральных садов, мгновенно перенесла слушателей на сто лет назад.

Но благодаря теме песни, его вставка не просто подошла к композиции — она словно возвысила её!

Тысячи зрителей в зале замерли. Ся Ивэй замерла. Музыканты из провинциального ансамбля искусств, специально приглашенные для игры на пипе и саньсяне, тоже замерли в оцепенении!

...

— А поет-то с душой... Разве эта песня не основана на традиционных мотивах? Может, это и есть оригинальный напев?

— Похоже на то. Звучит очень гармонично. А говорили, Джесси петь не умеет... По-моему, очень даже круто!

— Да, этот кусок отлично вписался!

Обычные зрители даже не понимали, на чем основана песня — на танцах или на балладах-дагу. Сейчас мало кто слушает традиционную оперу; они просто чувствовали, что это звучит красиво и «с настроением». К тому же, их ожидания изначально были занижены.

А визуально это и вовсе было наслаждение: Ся Ивэй и Ци Шэцзян — два поколения красавцев на одной сцене. Камеры начали давать крупные планы лица Ци Шэцзяна, отчего многие зрительницы окончательно потеряли голову и начали судорожно снимать его на телефоны.

Ся Ивэй на сцене пребывала в полном замешательстве. Когда-то, готовясь к этой песне, она изучала манеру исполнения баллад-дагу, но знала её лишь поверхностно. Ей казалось... или голос сына звучал невероятно аутентично?

Еще бы ему не звучать аутентично!

В этот момент единственные настоящие профи в зале — музыканты-аккомпаниаторы — были в полном шоке.

Мастер струнных инструментов Лао Бай проработал в ансамбле много лет. Стоило Ци Шэцзяну запеть, и пары слогов хватило, чтобы поразить его. Постановка голоса, четкая дикция, никакой фальши или неуверенности — это совсем не походило на новичка.

Музыканты подсознательно начали подстраиваться. В мгновение ока они перешли от режима «Ци Шэцзян следует за нашим ритмом» к режиму «мы ловим его интонации».

Лао Бай не знал, как долго Ци Шэцзян учился, но за такой голос можно было только поблагодарить богов-покровителей искусства. Даже то, как он держался на сцене, вызывало в голове мастера лишь одно слово: «Звезда».

Единственное, что смущало Лао Бая: напев Ци Шэцзяна напоминал баллады стиля Мэйхуа, в интонациях слышались отголоски Цзинъюнь, а текст был похож на классические сказы... но при этом во всем чувствовалось нечто иное.

Он переслушал столько видов баллад, но не мог определить школу. Не сам же этот парень всё это придумал?

От автора: Это полувывмышленный мир, некоторые детали и настройки я выдумал или перемешал для лучшего эффекта «шуанвэнь» (истории об успехе).

<http://bllate.org/book/17028/1582804>